

ется не только в том, что необходима выверка толкований, да и самих лексем, представленных в заголовках, сверка цитат, статистических данных и т.д. Справочник не является завершённым и в выполнении своей главной задачи – дать максимально полную и точную сумму сведений о каждом редком слове. В суммирование должны включаться не только сведения словарей и картотек (хотя и эта работа не завершена), но и результаты многочисленных очерков по истории слов, по истории поэтической лексики и фразеологии.

Редкие слова в текстах XIX века требуют такого же тщательного и неспешного труда, который свойствен академическим историческим словарям, выпускаемым в настоящее время. В связи с этим необходима подготовка выверенного, исправленного и дополненного второго издания рецензируемого справочника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЙ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-и т. М., 1948–1965.
 Булаховский Л.А. 1957 – Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957.

Добродомов И.Г. 1998 – О словарях редких и устаревших слов // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов межвузовской научной конференции 13–15 октября 1998 г. Вологда, 1998.

ЛГ – Литературная газета.

НРЛ – Новое в русской лексике. Словарные материалы... М., 1980.

Пильщиков И.[А.] 1998 – Жантельом, бель-фан и розовая ксандрейка // Пушкин. 1998. [М.], № 3(9) 1 июня.

Рогожникова Р.П. 1982 – Редкие слова в произведениях авторов XIX в. // ВЯ. 1982. № 1.

Слов. Акад. 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук: В 4-х ч., СПб., 1847.

Слов. Даля – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., 1863–1866.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. Л., 1974.

СССРЛ – Сводный словарь современной русской лексики / Под ред. Р.П. Рогожниковой. Т. 1–2. М., 1991.

В.В. Краснянский

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. РАН Ин-т языкознания. М.: Наука, 1997. 799 с.

Вопросы древней лексики тюркских языков имеют большое значение не только для истории этих языков, но и для дальнейшей разработки общеизвестной гипотезы о генетическом родстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (а вероятно также и некоторых других) языков. Насущная потребность в углублении исследований самого древнего лексического состава тюркских языков осознана как неотложная задача также в России, где в последние годы снова расцветает историческая компаративистика. В этой связи с большим интересом и удовлетворением воспринимаем выход из печати четвертого тома "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков", носящего подзаголовок "Лексика" (1997). Предыдущие тома этого внушительного труда это: Фонетика (1984), Синтаксис (1986) и Морфология (1988).

"Лексика" представляет собой простран- ный, насчитывающий 800 страниц том, напи-

санный авторским коллективом тюркологов, в состав которого вошли: Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев и Э.Р. Тенишев. Ответственным редактором труда является чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. Редактор тома – Е.А. Поцелуевский. Большинство упомянутых авторов выступает одновременно и в роли "Редакционной коллегии". Рецензентами тома были Э.А. Грунина и Д.М. Насилов.

Как и предыдущие тома, "Лексика" осуществлена в основном силами тюркологов Сектора тюркских языков (ныне Отдел урало-алтайских языков) Института языкознания РАН. Этот факт заслуживает особого внимания, так как в вышеупомянутом Отделе одновременно продолжается работа по изданию "Этимологического словаря тюркских языков" под редакцией Э.В. Севортяна (1901–1978) и Л.С. Левитской (5 томов: М., 1974, 1978, 1980, 1989, 1997).

Таким образом авторы "Лексик" (в числе них — те же самые, что и в ЭСТЯ) имели доступ к богатой картотеке ЭСТЯ и к самой новейшей обработке материала.

Авторы использовали почти все напечатанные ранее работы по лексике тюркских и других алтайских языков (список источников и литературы занимает более 50 страниц). Вспомним здесь, что уже раньше появились важные работы, как, например: "Историческое развитие лексики тюркских языков" (М., 1961), "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков IV: — Лексика" (М., 1962), Г. Айдаров. "Лексика языка енисейско-орхонских и таласских памятников древнетюркской письменности" (автореф. канд. дисс. Баку, 1974). Однако же базой для этимологических рассуждений, разумеется, кроме упомянутого ЭСТЯ, стали также более ранние исторические и этимологические словари: "Древнетюркский словарь" (Л., 1969); M. Räsänen. "Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen" (Helsinki, 1969—1971); Sir Gerard Clauson. "An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish" (Oxford, 1972); В.Г. Егоров. "Этимологический словарь чувашского языка" (Чебоксары, 1964); "Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков" (Л., 1975—1977) и др. Особое значение как источники богатого материала и лингвистической его интерпретации имели работы: [Ramstedt 1935; Doerfer 1963—1975].

Рецензируемая книга состоит из следующих частей: "Предисловия" и "Введения" (с. 3—12), основной части, озаглавленной "Лексико-семантический тезаурус" и представляющей собой словарные статьи этимологического характера (они принадлежат разным авторам, с. 13—723), "Заключения" (с. 724—734), списков литературы и указателей (но без алфавитного индекса!) (с. 735—791).

Главной задачей, поставленной перед авторами обсуждаемой книги, было восстановление лексического состава пратюркского языка. Осуществление этой смелой задачи со столь большим размахом предпринято в мировой науке впервые. Сам этот факт означает действительный прогресс в исследовании вопроса, точнее: комплекса вопросов из области исторической фонетики и семантики многих языков; стимулирующая роль такого исследования очевидна.

Детальный анализ богатого материала и взвешенная оценка усилий и достижений отдельных авторов — невыполнимая задача в рамках обычной рецензии, и мы должны ограничиться заметками дополнительного или критического характера. К тому же,

почти каждая статья содержит полемические нотки относительно предложений, сделанных предшественниками, исправление их настоящих или мнимых ошибок. Деловое обсуждение многих таких вопросов (а некоторые из них к тому же вне компетентности рецензента) привело бы к непомерному разрастанию рецензии.

Произведенная авторами реконструкция пратюркской лексики охватывает около тысячи слов, каждому из которых посвящена отдельная статья. Число это явно условно, и читателю хотелось бы лучше знать принципы, по которым был составлен список реконструируемых слов. Разумеется, авторы поставили перед собой задачу восстановить возможно более полно словарный фонд пратюркского языка (по какой-то причине исключены, например, термины, касающиеся половой жизни человека). Число слов должно свидетельствовать о довольно высоком уровне развития пратюркского языка. Здесь возникает, однако же, вопрос: идет ли речь о так называемом "основном словарном фонде" (что кажется маловероятным) или же о той его части, которую некоторые лингвисты (например, Л.А. Булаховский) определяли термином "ядро основного словарного фонда". О том, как нелегко в этой области найти разумное решение, может свидетельствовать группа слов, означающих подарки. Получилось так, что одна часть этих терминов (**helek*, **endü*) нашла свое место в "Лексике", но другая (**sep*, **ačig*, **siu*) туда не попала (см. [Дыбо 1996]).

Подбор источников, порядок следования цитированных слов и их толкование с разных точек зрения — это обычная область индивидуальных авторских решений. В "Лексике", несмотря на принятые для всей книги редакционные схемы, также можно наблюдать некоторые различия между статьями отдельных авторов. Различия эти зависят, разумеется, также от характера анализируемого материала (ср. в этом отношении главы "Звуковая структура поэтических текстов" и "Антропонимия"); об «авторской "чересполосице"» читаем в "Предисловии" (с. 4), где, однако, выражение это выявляет только тот факт, что один раздел рецензируемой книги мог быть написан не одним автором, а двумя или несколькими.

Авторы довольно редко выходят за пределы тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Обращения к корейскому, японскому и уральским языкам ограничиваются теми случаями, когда бросается в глаза сходство фонологических и семанти-

ческих явлений. Возражения некоторых исследователей могут возбудить примеры, связанные с все еще мало признаваемой теорией Х. Педерсена и В.М. Иллича-Свитыча (примеч. 1 к с. 88, 90–92 и др.).

Требование "антиалтаистов", сводящееся к тому, что прежде чем говорить о "генетическом родстве", следует исключить многие случаи внешних заимствований, отражено также в обработке материала авторами "Лексик". Удобным, нейтральным оборотом, к которому они часто прибегают, является: "слово имеет параллели" в таких-то языках. Кстати, желательным было бы четче выразить то важное обстоятельство, что в случае параллелизма с корейским речь должна идти только о некоторых из его говоров, а в случае параллелизма с японским — только об одном его слое (П.Б. Гольдэн).

Из приводимых в "Лексике" примеров видно, что многие авторы расширили круг тюркского сравнительного материала за счет халаджского и армяно-кыпчакского. Что касается последнего языка, то для авторов, вероятно, оказались недоступными новейшие издания текстов (ср. библиографию Я. Дашкевича в РО 1979 и позднейшие издания). Добавим, что такие слова, как: *balix, butax/butaγ, çax, iuz, xulax, orman, siçyan, i'engri, tuman* и многие другие, хотя и не приведенные авторами "Лексик", все же существуют в армяно-кыпчакском. Кстати заметим, что чрезмерно индивидуальный подбор примеров может привести к "натяжкам" в материале и некорректным реконструкциям.

В книге почти ничего не говорится о методике исследовательской работы, с помощью которой реконструируется пратюркская форма. А ведь это дело главного порядка, решающее для оценки всего труда в целом. В свое время Г. Дёрфер [Doerfer 1975, IV: 321 и сл.] поместил длинный список условий, которые следует выполнять для доказательств родства не только алтайских, но и всех других языков. Полезность этих принципов видна из разработки таких слов, как **taγa, *bad* и др.

В ряде случаев в словах, происхождение которых трактуется как "существительное от глагольного корня" и наоборот, можно усматривать нечто вроде скрещения морфологического и семантического критериев. При рассмотрении происхождения таких слов, как **tul(u)γ* 'залог, заклад' < *tul-* 'хранить, беречь' или *jalyu* 'пламя' < *jal-* 'воспламениться', направление деривации не вызывает сомнения; но в случае *göz* 'глаз' < *gör-*

'видеть', как представляется, толкование не согласуется с логикой и теорией развития человеческой речи. Кстати, можно добавить, что нормально существует граница, за которой не вполне языковедческими и бесплодными оказываются опыты этимологизирования некоторых коротких слов. Речь идет о таких фонеморфемах, как: *o, am, ämi, om* и др.: они представляют собой первичные элементы человеческой речи и находятся за пределами интересов языкознания.

Выше уже отмечалось, что первый опыт реконструкции пратюркского языка на лексическом уровне, выполненный авторами "Лексик", имеет большое значение также для дальнейшей оценки алтайской гипотезы. Как известно, борьба разных мнений в этой области продолжается, и конца ее не видно. По словам Л. Базэна: "Ces erreurs de méthode, relevées à bon droit par des philologues, éminents, ont entraîné, dans les dernières décennies, un scepticisme croissant envers l'hypothèse turco-mongole, qui, auparavant, était presque un article de foi pour la grande majorité des spécialistes" [Bazin 1983: 34].

С методологической точки зрения очень полезным кажется указание тем же автором проблемы "порочного круга": «Considérons, par exemple, turc *ab, aw* et mongol *aba, awa, aw* "chasse" [...] Tous les comparatistes sont d'accord pour reconstruire, dans les deux groupes linguistiques, un prototype **aba*, qui serait donc à la fois proto-turc et proto-mongol. Mais, selon leur attitude envers l'hypothèse de parenté génétique, les uns poseront **aba* comme "turco-mongol commun", les autres comme proto-turc emprunté par le proto-mongol, sans qu'il y ait de raisons péremptoires de les départager: un "turco-mongol" **aba* aurait bien dû aboutir à turc *ab*, mongol *aba* (le turc ayant perdu les voyelles finales brèves, que le mongol conserve dans son stade ancien et classique); mais, d'un autre côté, le prototurc de *ab* doit bien être **aba*, et le proto-mongol pouvait parfaitement emprunter ce terme technique, comme le mongol en a, depuis, emprunté bien d'autres au turc. Même dans le cas de la correspondance phonétique plus complexe [...] entre turc *tüz* et mongol *dabusun* "sel", le prototype **tabusun* peut être, à volonté, interprété comme "turco-mongol commun" ou comme proto-turc emprunté par le proto-mongol à une date antique. Aucun argument de nature phonétique ne permet, ici, de départager les tenants des deux théories, du moins en l'état actuel de nos connaissances. Un doute méthodique doit être à tout le moins observé» [Bazin 1983: 37–38]. Кажется, что эта оговорка может оказаться полезной как для читателей "Лексик", так и для ее авторов.

Последний раздел "Тезауруса" посвящен антропонимии (с. 619–723). Он подчинен общей концепции реконструкции праформ, но по понятным причинам отличается от остальных частей книги ("попытка системной реконструкции пратюркской антропонимии" – с. 619 и сл.) и имеет (на с. 778–784) отдельные списки литературы и сокращений (что не очень удобно для читателя). Автор излагает материал "по частям речи, задействованным при образовании пратюркской антропонимической системы [...]". Внутри каждой части речи вычленяются группы (или подгруппы) по тематическому содержанию (или по тематическому признаку" (с. 619). Автор внимательно обсуждает документацию, распространение антропонимов по языкам и метафоризацию значения слов в антропонимической системе. Что касается предлагаемых архетипов, то они в большинстве не отличаются от узоров, указанных в других разделах. Очень полезной оказывается глава "Семантическая структура древнетюркских сложносоставных личных имен", а также имеющийся там список слов-компонентов (в русском переводе), сгруппированных по семантическим рубрикам (с. 702–723).

"Заключение" охватывает две главы: "Мир поздних пратюрков (Wörter und Sachen)" (лексика из таких семантических областей, как: "Небесные тела и небесная сфера", "Метеорологические явления", "Ландшафт и водная среда" и т.д. Список этот не может заменить алфавитного индекса!) и "О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков". В последней важной главе, суммирующей результаты

исследования, говорится об этносе-носителе языка пратюрков и регионах, в которых они жили, а также о ранней стадии развития тюрков. Глава эта, в которой читатель имеет надежду найти детальную картину пратюркской культуры в свете восстановленных элементов пратюркского, оставляет чувство неудовлетворенности. В самом деле, авторы заявляют, что "все сделанные здесь привязки носят, конечно, предварительный характер" и что соответствующую разработку они надеются представить читателю в следующем томе "Сравнительно-исторической грамматики", озаглавленном "Групповые реконструкции" (с. 734). Ожидаем.

"Лексика" имеет полный шанс стать настольной книгой всех "алтаистов" и "антиалтаистов". Ценности этого тома не могут уменьшить даже десятки опечаток в словах западноевропейского происхождения (особенно на с. 760–778).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дыбо А.В.* 1996 – Названия подарков в пра-алтайском // 90 лет Н.А. Баскакову. М., 1996.
Bazin L. 1983 – Réflexions sur le "problème turco-mongol" // Turcica. Revue d'études turques. T. XV. 1983.
Doerfer G. 1963–1975 – Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.
Ramstedt G.J. 1935 – Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Э. Трылянский

А.И. Коваль, Б.А. Нялибули. Глагол фула в типологическом освещении. М.: Русские словари, 1997, 253 с.

Рецензируемая монография посвящена языку, уже имеющему определенную традицию изучения. Однако, пожалуй, впервые глагольная система языка фула специально рассматривается в типологическом ракурсе. Пафос рассмотрения можно передать в виде двух вопросов: чем полезна современная типология для теоретической систематизации фульского материала и чем этот материал способен обогатить типологическую теорию? Указанный подход делает книгу интересной не только для африканиста.

Книга состоит из 4-х частей, первая из которых – "Вводная". В ней определяются

цели исследования и даются общие сведения о грамматическом строе языка фула, без которых читателю, не являющемуся фулянистом, было бы гораздо сложнее ориентироваться в последующем изложении. Часть I основного корпуса книги носит название "Синтактико-коммуникативный режим и система спряжения глагола". Часть II – "Трехчленная категория залога в синтаксических процессах". Часть III – "Актантно-значимая деривация глаголов". Закljučают книгу "Типологическое резюме" и "Приложение", о котором будет сказано ниже.

В отличие от таких западноафриканских